ЛЕОНИД ФРОЛОВ

РАСКАЗАЧЕННЫЕ

Леонид Фролов
Расказаченные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67711385
SelfPub; 2023

Аннотация

1918 год, вовсю идёт Гражданская война. На Дону всё больше противоречий между казаками. Одни принимают сторону красных, другие белых. В хуторе Ольховый живёт уважаемая семья казаков, главой которой является Иван Тимофеевич Тишин. Дети уходят на войну и оказываются по разные стороны. В 1919 году выходит знаменитая директива о расказачивании, которая не обойдёт стороной семью Тишиных. События разворачиваются в Усть-Медведицком округе, на знаменитой реке Медведица, которая впадает в Дон. В книге описывается трагедия эпохи и трагедия одной взятой семьи. Как пережить встречу с братом на поле боя? Как понять, какая власть лучше? За что мы воюем? Главный герой, Степан Тишин, постоянно задает эти вопросы, но не может найти ответ. Эта история и про преданную любовь девушки из дворянской семьи, которая оставила Петроград и переехала к любимому на Дон.

Содержание

От автора 4
Глава 1 9
Глава 2 31
Глава 3 55
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Леонид Фролов
Расказаченные

От автора

Когда я учился на историческом факультете, преподаватель этнологии задал один вопрос: «Кто знает свою родословную далее трех поколений?». Честно говоря, не многие могли ответить, а которые сумели что-то рассказать про свою семью, говорили в общих деталях и никакой конкретики. Уверен, что и мой читатель об этом задумался.

Летом в детстве я часто ездил к бабушке в Волгоградскую область, в город Михайловка. Это безумно красивые места, где протекает река Медведица, а вишня росла прямо во дворе многоэтажных домов. Прабабушку я свою не застал, но бабушку помню прекрасно.

Мои родственники по отцовской линии из донских казаков. Они постоянно соблюдали казачьи традиции, а мою маму однажды принимали в казачки. Ставили на кончик сабли рюмку водки и под песни, мама должна была выпить. Я этого не помню, но мне рассказывали.

Уже в подростковом возрасте, я начал задавать отцу много вопросов. Я не понимал, почему родина моего отца Ми-

хайловка, а родился и некоторое время жил он в Карелии. Тогда эта была Карело-Финская АССР. Даже некоторые воспоминания о суровых карельских зимах мой отец рассказывал. Он родился в 1949 году.

Уже вначале 90-х я узнал правду, что семья моя попала под указ о расказачивании и была выслана в Карелию на лесоповал. Там выросла моя бабушка и после войны вышла замуж, родив моего отца и еще двух мальчиков. Я долго пытал своего отца рассказать правду, но всякий раз он обходился какими-то общими фразами.

Затем все-таки я узнал историю своей семьи. Это был довольно знаменитый род казаков, которые жили в Усть-Медведицком казачьем округе. После революции образуется Верхнедонской округ из несколько более маленьких. Прадед мой был есаулом казачьего войска, который был расстрелян большевиками в 1924 году, а жена (моя прабабка) с детьми были высланы в Карело-Финскую АССР.

Шли годы, не стало моих бабушки и отца, но я все больше стал задаваться вопросом о корнях своей семьи. Тем более когда ты являешься профессиональным историком. Я посетил различные архивы, чтобы узнать о судьбе не только своей семьи, но вообще казаков, которые когда-то жили своей счастливой жизнью.

Честно говоря, до сих пор множество материалов о том времени, которые сохранились, имеют гриф «Совершенно секретно». Несмотря на это, многие волонтеры и просто

неравнодушные люди работают над этим вопросом. Я уверен, что наша роль в истории – узнать и сохранить память о наших предках.

История России сложна и многогранна, а период первой половины 20 века занимает особое место. Я убежден, что будущее поколение нашей страны будет продолжать исследовать этот период и добьется больших результатов. Я патриот своей страны, но я историк, считаю необходимым доносить правду людям, какая бы горькая она ни была.

Прежде чем начать писать эту книгу, мне пришлось изучить историю собственной семьи. Изучая казачий быт, я по инерции сам начал говорить, употребляя слова, которые нам сейчас показались бы странными. Это одновременно увлекательно и грустно. Эта история трагедии одной взятой казачьей семьи, которая переливается в трагедию огромной массы людей.

Знаменитый советский ученый, литературовед и литературный критик Вадим Кожинов в своей книге «История XX века» пишет, что произошло столкновение двух интересов: февральских и октябрьских. Я набрался смелости и употребил этот термин в своей книге, потому что я абсолютно согласен с ученым.

В своей книге я не высказывал негатива в сторону красных или белых, потому что считаю, бессмысленным спустя 100 лет задавать вопрос, кто прав, а кто виноват. Мы помним прекрасную советскую эпоху, но в начале XX века рухнула

огромная царская эпоха государства Российского, люди сорвались с цепи, шли брат на брата, и эта трагедия затронула миллионы наших людей.

Мои родственники вернулись на родину из Карелии только в начале 60-х годов. Я помню, мой отец говорил так: «Приехали в родной хутор, а там ничего не осталось». Конечно, ведь прошли не только безумные 20-е и 30-е годы XX века, но прокатилась Великая Отечественная война, как катком по нашей земле. По оценкам историков, более 4 млн человек оказались в ссылке. Из них около 1 млн человек были казаками. Более 1 млн человек были убиты. Это ориентировочные данные.

Поселились мои родные в Михайловке и всю жизнь прожили в этом небольшом солнечном и прекрасном городке. Оказывается, там много людей, которые когда-то пострадали от режима большевиков. Жить в семье казаков – сплошное удовольствие. Это совершенно иной быт, которые мои родные сохраняли, пока бабушка была жива. Постоянно острая еда и казачьи напевы, уважение к старшим, образование, учиться постоянно новому – все эти качества присущи казакам. И конечно, выпить, но в меру!

Один вопрос я задаю и по сей день: «Почему не говорили об этом?». Ответ был таким: боялись. Боялись чего? Боялись кого? На эти вопросы я постарался ответить в своем романе «Расказаченные». В этом произведении я позволю себе эксперименты и напишу его в документально-художественном

жанре, а что получится – решать читателю.

Глава 1

Раннее утро (заранка) в хуторе Ольховый было теплым и почти безоблачным. Во всех дворах кричали кочеты, поднимая казаков. Хозяюшки уже вовсю доили коров, чтобы накрыть парного молока к завтраку, а казаки собирались на службу. На краю хутора стоял большой курень, в котором утро начиналось с упреков и приговоров.

– Хоть бы один в батю пошёл! Этот вон до есаула дослужился, другой балбес в урядниках всю жизнь проходит, а кто мне помогать будет? – обращался к своей женушке уже довольно пожилой, но еще крепкий казак. – Твое воспитание, Варвара! И твоего братца окаянного! Хоть бы одного выучили делу лекаря. Все с шашкой наголо, будь вы неладны!

– Вот отец до чего дожили, никто родному бате помощником не стал, – обращался он к старичку, сидевшему в углу на табурете возле печи. Это был Тимофей Аристархович: самый старший и уважаемый в семействе. Ему было уже за восемьдесят, он практически никуда не выходил и только сидел дома, изредка выглядывая в баз, подышать свежим воздухом.

– Ну что ты к отцу привязался, – сказала Варвара Семёновна, хозяйка этого дома и жена того самого ворчуна. Ворчун этот был уважаемым казаком в округе и по профессии фельдшер. Звали его Иван Тимофеевич Ти́шин. Ворчал он

потому, что наделал пятерых детей, а никто не стал лекарем. Старший сын Петька уже год служил и не появлялся дома, средний Степан дослужился до есаула, а младший Дмитрий у него же в урядниках ходил. Были еще две девчонки: Антонина и Мария. Старшая Тоня жила отдельно со своей семьей, а маленькой Марии было всего шестнадцать.

– Димка, лошадь запряг? – крикнул Иван Тимофеевич.

– Да, батя! – ответил Димка. Его все так и звали – Димка! Он был совсем еще молод, озорной и непутевый. Иван Тимофеевич взял свой лекарский сундук и направился бричке. Каждый день он рано утром ездил на работу в станицу. Лекарь он был единственный во всей округе, а замены ему не было. Поэтому и злился, что в таком возрасте приходится ездить по десять верст туда и обратно.

– Папаня! Папаня! – кричала Маша вслед отцу, держа в руке довольно большой свёрток.

– Ну что тебе! – бормотал Иван Тимофеевич, а делал это с таким удовольствием, щурясь, как бы улыбаясь. Души в ней не чаял, но пытался этого не показывать – такова казачья натура.

– Я тебе еды собрала, а то будешь целый день голодный.

– Ну кинь в бричку. Все, я отправился! – прокричал Иван Тимофеевич, запрыгнул в бричку, как восемнадцатилетний подросток, и покатил.

Хутор был небольшим – дворов пятнадцать. Вокруг сплошные луга, а совсем рядом река Медведица, которая

впадает в Дон. Народ здесь жил простой и работящий. В каждом дворе по две коровы, лошади и обязательно гуси с утками. Ти́шину много раз предлагали переехать в станицу, но он всякий раз отказывался, дескать, «как оставить родовое имение».

Иван Тимофеевич никогда не подозревался во вредности, но как вернулся с фронта (Первая мировая), так стал себя чувствовать неважно, а работать надо. Все ждал замены, а ее все не было. На войне он служил полковым врачом. На дворе стоял 1918 год. Многое изменилось за год власти большевиков, вовсю шла Гражданская война.

Проезжая мимо одного куреня, Иван Тимофеевич дернул вожжи,

– Тпр-р-р, родная! Постой одуванчик, малеха, – говорил Иван Тимофеевич, а сам привязывал кобылу к забору. Одуванчиком он называл лошадь. Накинув вожжи на забор, да ловко так завязав узел, Тишин стал кричать: – Степан! Степан! Иринушка! Да где вы подевались? Дрыхните небось, а скот не кормленный стоит.

На крыльце появился высокий и статный казак, волосы его были черные, и только челка свисала, прикрывая лоб. Черты лица были настолько правильные, как на картине: высокие и подтянутые скулы, выразительные и пропорционально расположенные глаза, неширокий и недлинный нос, немного острый подбородок. Это был Степан Иванович – средний сын лекаря.

– Батя, ну, что ты орешь с утра пораньше?! – потягиваясь, спросил Степан.

– Я тебе сейчас дам орешь! Как ты с отцом смеешь гутарить?! – пробираясь через калитку, ворчал Иван Тимофеевич.

– Не слыхал, что ль? Нет больше Советской Донской республики.

– То есть, то нет! – возмущался Степан.

– Круг Спасения образовался! Кого только спасать будут. Теперь объявили Великое Войско Донское. Давай собирайся, хватит молодую жену ублажать, да скачи в Усть-Медведицкую, разузнай, что к чему. На обратном пути, чтобы у меня был.

На крыльце появилась Ирина – жена Степана.

– Доброе утро, Иван Тимофеевич, – мило сказала она.

– Сколько я тебя гутарил – отцом меня кликать! – возмущенно сказал Тишин старший. – Высеки ее, да так, чтобы ребеночка не тронуть, – обращался он к сыну, а сам подошел к Ирине да поцеловал в щеку. Ирина находилась на восьмом месяце беременности, и они ждали первенца.

– Квасу нам принеси да наливай подольше, – обратился Иван Тимофеевич к Ирине, а сам уселся на крыльце рядом со Степаном потолковать о мужском.

– Вчера дед Митяй весточку принес, что четвертый Хоперский полк в полном его составе на сторону краснoперых перешел, – сказал Иван Тимофеевич. – Сам-то, что ду-

маешь?

– А я уже устал, батя, думать. То республику объявляют, то к Советам переходим, теперь опять что-то новое. Навоевался я, отец. У меня вон жена на сносях, да мира хочется.

– Так оно так. Какая она – Советская власть будет. Ты, есаул, царю присягал, а не большевикам!

– Где он царь? Теперь все переменилось. Не знаешь, где свои, а где – чужие, – сказал Степан.

– От Петьки весточки нет? – спросил Иван Тимофеевич.

– Нет! Ежели Петька к красным подался, что изволишь делать?

Иван Тимофеевич посмотрел на Степана, опустил голову.

– Я уже старый, а вам жить. При какой власти – вам выбирать!

На крыльце появилась Ирина с большой кружкой кваса. Жена казака была красивая, белокурая и почти такого же высокого роста, как Степан. Глаза голубые, как небо в ясную погоду без туч, а через плечо свисала коса до самого живота. – Папаня! Кваску!

Иван Тимофеевич приподнялся, схватившись рукой за плечо Степана, да взял кружку.

– Ну, отведаем вашего кваска, – по-доброму пробурчал Иван Тимофеевич. Выпил пару глотков, поморщился да вылил все в палисадник. – Фу, гадость какая! – вскрикнул он. – Отравить деда вздумала? Отмахнулся и поковылял к лошади.

– Ха-ха-ха, – раздался громкий смех. – Батя, ты чего? – смеялся Степан.

– Выбирать жен надо путевых, – кричал Иван Тимофеевич.

– Опять не угодила, – тяжело вздохнула Ирина. Степан обнял жену.

– Не обращай внимания, он как вернулся с фронта, так ворчит на всех, а тебя любит.

До станицы было час езды, кругом поля переливались лесами. Вдоль текла речка, на которой с утра уже плескались мальчишки, а мамки их погоняли – майская вода была еще холодная. Этот удивительный край казаков напоминал рай среди заросших лугов и плодовитых деревьев. Иван Тимофеевич ехал и бурчал что-то себе под нос, поглядывая по сторонам.

Он был чуть выше среднего роста с крупными руками и широкоплечий. Лоб его был морщинистый от времени, нос широкий и чуть приподнятый вверх, а под ним – густые и вьющиеся седые усы. Он имел привычку крутить кончики усов двумя пальцами, образуя скрученную веревочку. Одевался всегда одинаково: в длинные сапоги, шаровары и гимнастерку темно-желтого цвета, а на голове обязательно фуражка. Фуражка была одета так, что козырек всегда смотрел в правую сторону.

Въезжая в станицу, Иван Тимофеевич всю дорогу опускал голову – таким образом здоровался с местными жителя-

ми, которые всегда остановятся при виде его и приветствуют. Лечебница, где принимал Тишин, находилась прямо в центре станицы, возле майдана. Рядом же стоял местный храм и рынок с местной администрацией.

В это утро на майдане было шумно – собрался казачий круг. Во главе находился атаман станицы Семен Петрович Лагов. Они что-то громко обсуждали, а порой кричали и ссорились.

– Иван Тимофеевич, только вас и не хватает! – крикнул Лагов.

– Я в ваши дела военные не лезу! – ответил Тишин, довольно выразительно. – Меня больные ждут! Ну, коли так, гутарьте, послухаю.

Иван Тимофеевич привязал лошадь и стал наблюдать за сходкой казаков, находясь как бы в сторонке.

– Казаки! – держал слово атаман. – На днях Круг Спасения Дона решил: образовать Великое Войско Донское и назначить войсковым атаманом Петра Николаевича Краснова. Предлагается от каждой станицы сформировать войсковые полки для борьбы с большевиками.

Казаки зашумели и стали обсуждать решение. В этот момент Иван Тимофеевич думал о сыновьях. «Опять война», – размышлял Тишин. Кто-то из толпы крикнул:

– Где Степан Тишин, есаул наш? – это был Хлопушин Андрей, ровесник Степана и в кой-то мере другом назывался.

– Да, Иван Тимофеевич! Прикажи сыну прибыть ко мне! –

выкрикнул атаман.

– Некогда Степану, у него девка на сносях, – негромко сказал Иван Тимофеевич и направился в лечебницу.

– У нас постоянно кто-то на сносях, но служба есть служба, – крикнул Хлопушин и так, оглядываясь на казаков, чтобы те поддержали.

– Да-а-а… – зашумели казаки.

– А ты баглай, помалкивай, сам давно воевал? – крикнул в адрес Хлопушина Тишин.

Хлопушин состоял на службе простым казаком и сильно завидовал Степану, который к своим годам дослужился до чина есаула. Да и в личной жизни тоже не ладилось, когда-то он пытался ухаживать за женой Степана, но та выбрала бравого казака. Хлопушин был высокого роста и белокурый, а когда ходил, дергал правым плечом. Он жил с родителями, которые пытались его женить чуть ли не каждый год, подыскивая ему невест.

Хлопушина оскорбило обращение Ивана Тимофеевича, а казаки не слишком-то его поддерживали.

– А вы, Иван Тимофеевич, давно ли Петра своего видали? – выкрикнул Хлопушин. Иван Тимофеевич остановился и посмотрел на Хлопушина. – Гутарят, у красных он! – добавил казак. Тишин молча развернулся и пошел по своим врачебным делам.

В небольшом коридорчике его уже ждали бабоньки.

– Иван Тимофеевич, опаздываете сегодня! – выкрикнула

одна. Кабинет Ивана Тимофеевича был совсем небольшим, больше напоминал комнатушку или чулан, но с маленьким окошком. В нем размещался стол со стульями и небольшой сервант, который был набит всякими банками и мазями.

***

Тем временем Степан собирался в столицу Усть-Медведицкого казачьего округа. Отец наказал, значит, надо ехать. Там служил старшиной его родной дядька Афанасий Семенович Тюрин. Бравый казак и тот самый окаянный брат жены Ивана Тимофеевича. Он и приучил Тишиных к служению и военному делу. Своих детей у Тюрина не было, вот и возился он с племянниками, любил их и души в них не чаял. Степан был любимчиком и самым способным к военному делу, поэтому и вырос по службе.

– Неужто опять война? – спросила Ирина, прижимаясь к Степану. Сама поморщилась в этот момент, схватилась за живот, а другой рукой уперлась на Степана. – Шалит, казак, толкается! – сказала она улыбаясь.

– Ну, присядь, а то разродишься раньше времени, – сказал Степан и, аккуратно придерживая супругу, посадил на стул.

– Казак, гутаришь? – громко вскричал Степан. – Али казачка будет?

– Казак! Смотри, какой живот, точно казак!

– Давай я тебя покормлю, а то будешь голодный целый

день, – сказала Ирина и пошла на улицу к печи. Во дворе стояла летняя печь, которой казаки пользовались с весны до осени. Рядом росли деревья, вишня и яблоня, а чуть поодаль большой стол. Ирина подкинула кизяков и поставила на печь чугунок с ухой. Степан обожал уху, а жена старалась ему угодить.

На крыльце появился Степан в парадном мундире. Сапоги его блестели на солнце. В них были заправлены черные брюки, китель темно-синего цвета, на котором переливались погоны есаула, а на талии свисала наградная шашка. На голове фуражка: тулья синяя, околыш багрецовый и кокарда.

– Куда это вырядился? Ишь ты какой сегодня! – спросила Ирина. – Как соберешься в Медведицкую, так наряжаешься. Небось бабу заприметил!

– Ну какая баба! – улыбаясь, сказал Степан.

Ирина накрыла на стол и уселась рядом с мужем, всматриваясь ему в лицо.

– Чего смотришь? – спросил Степан.

– Любуюсь!

– Сама чего не ешь?

– Что-то не хочется!

Так и смотрела, пока Степан не поест. Любила его и не могла наглядеться.

Ирина была отменной хозяйкой, а уха у нее получалась такая, что соседи завидовали. Даже Иван Тимофеевич, принимая трапезу, не ворчал. Она ее варила по особенному ре-

цепту, которому научила матушка Степана. Особенно вкусной удавалась уха, сваренная в котле на костре.

Сначала в кипящую воду бросала картофель; когда он был готов, клала рыбу, желательно разную. Затем в кипящий бульон с рыбой добавляла томат, лук, горький перец, болгарский перец, петрушку, укроп, лавровый лист. Часто делала двойную уху. Это когда в один и тот же бульон закладывала по очереди две партии рыбы. Варила рыбу в открытом котле, не закрывая крышкой. Готовую рыбу клала на чисто выскобленный стол или блюдо. Для рыбы готовила «тузулук» (тузлук) – острая приправа, состоящая из горького перца, чеснока, бульона и соли. Тузулуком поливала сваренные куски рыбы.

Отобедав, Степан вскочил, поцеловал жену и пошел в сарайчик за конем.

– К вечеру воротишься?

– Постараюсь! Ты бы шла к маманьке. Что будешь одна? – сказал Степан, сидя верхóм на коне.

– Где же я одна? У меня вон сколько добра – гуси, утки. К вечеру тебе истопку сделаю, – сказала Ирина, смотря вслед Степану. Казак поскакал галопом в станицу.

Он мчался по степям и лугам, средь густой лес в станицу Усть-Медведицкая, где была расположена администрация округа. Станица была большой и формально являлась столицей округа, где принимали самые важные решения. Здесь Степан и познакомился со своей будущей женой.

Возле штаба казачьего войска была суета, Степан спрыгнул с коня и одернул китель вниз, проводя руками по плотно прилегающему ремню, чтобы разгладить складки. Поправил фуражку и направился в небольшое двухэтажное здание, где заседали главные казаки округа.

Не дойдя до крыльца, навстречу вышел дядька.

– Степан! Ну наконец! А я было хотел за тобой гонца посылать, – разводя в обе стороны руки, выкрикивал Афанасий Семенович.

– А чего посылать, я сам тута, – сказал Степан.

– Гутарят, ты на круг не явился? – обнимая Степана, спросил Афанасий Семенович.

– А мне тот круг без надобности, дядь! Батя сказал сюда ехать, я и приехал.

– Ну пошли ко мне, растолкую, что к чему, – сказал Афанасий Семенович, и они направились в кабинет старшины.

Афанасий Семенович был совсем небольшого роста и крупного телосложения, седоватый, лицо имело округлую форму, а под правым глазом на щеке имелся шрам. Он его получил на войне с турками еще совсем молодым казаком. Имел чин войскового старшины и звания полковник. Большая личность среди казаков в округе.

– Что это делается, дядь? – спросил Степан и присел на стул.

– Казаки не хотят мириться с большевиками. Будем отстаивать свое право на отдельное образование. Каково оно бу-

дет – время покажет, – сказал Афанасий Семенович.

– Что ж, получается, война?

– Ты давай езжай к себе, а завтра на службу. Дам тебе самую боевую сотню. Димку прихвати, нечего ему возле мамки сидеть, – приказал Афанасий Семенович.

– Что ж это выходит, дядь! На своих, что ль, идти? – стукнув по столу кулаком, возмущенно спросил Степан.

– Своими были до того, как красную ленточку не повесили, а сейчас чужие! – крикнул Афанасий Семенович. – Иль будем смотреть, как они землю нашу рубают на куски, которую наши деды и прадеды осваивали и кровь за нее проливали! – на повышенных тонах высказал Афанасий Семенович. – А коли встретишь Петьку среди красных, тебе решать, поднимать над его головой шашку иль нет!

– Значит, не брешут казаки – у красных Петька, – с грустью сказал Степан.

– Я вообще не понимаю, дядь, что с людями делается. Выходит, брат на брата? – для Степана это было потрясение.

– Ты, Степан, вот что. Не говори пока Ивану Тимофеевичу про Петьку. Пусть гадает, думает. Вообще никому не говори, а Иринку отвел бы к матушке, пусть там пока будет, – сказал Афанасий Семенович.

– Раз так гутаришь, дядь, значит, надолго свистопляска затянется, – подметил Степан.

Афанасий Семенович взял стоявший рядом стул, присел рядом со Степаном.

– Кто его знает, Степан, наше дело военное: сказали в атаку, значит, в атаку. Ступай. Отдохни, сходи в истопку, побанись. А завтра – как штык в штабе.

– Слухаю! – сказал Степан и пошел к своему верному другу – коню.

Степан прекрасно понимал, что это война собственного народа. «Нет! Эта война двух режимов! Это результат 1917 года, а бьются между собой февральские и октябрьские. Это они не могут поделить власть и землю, а люди? Люди оказались между двух этих самых режимов – это инструмент в борьбе за власть, а какая она потом будет эта самая власть! Вот то-то и оно!» – размышлял Степан Иванович, поглаживая по морде своего коня. Постоял, подумал да запрыгнул в седло. Теперь нужно было доложить все отцу, а у Степана не выходил Петька из головы. Нет, он вовсе его не осуждал, он просто не мог понять, как сражаться друг против друга.

Думал Степан и про Димку, которого придется тащить с собой. «Молод ведь совсем, сопляк еще, но уже в урядниках ходит». Всю дорогу казак думал, но самое тяжелое – как оставить Ирину без своего внимания. «Родить должна. Будет же переживать дуреха, а живот то вон какой – точно крепкий казак будет!» И тут Степан улыбнулся, и печаль его на мгновение куда-то делась.

Станица, где проживали Тишины, называлась А́дринская. На въезде в станицу Степан встретил Хлопушина, который возился возле куреня с седлом и что-то мастерил. Хотел ми-

мо прошмыгнуть, но Андрей заприметил.

– Степан Иванович, куда собрался? Мимо братушки проезжаешь!

Степан посмотрел на Хлопушина, развернул коня и медленно направился в сторону Андрея.

– Здорово! Чем занят, Андрей Савельевич? – спросил Степан и спрыгнул с коня.

– Да вот, готовлюсь к походу на красных. Иль ты не знал, что война намечается? – ехидно так поинтересовался Хлопушин.

– Ну почему ж не знал. Казаки гутарят, а я слухаю.

– А я думаю, дай сообщу. Атаман тебя искал, ты заехал бы к нему.

Степан взялся за уздечку и пошел в сторону майдана.

– Зайду, а ты Андрей, не слухай, что брешут, а доверяй правдивым источникам.

– Где же эти источники взять? Это ж ты у нас в родстве с начальниками ходишь, а я простой казак, – подковырнул Хлопушин.

Степан шел и размышлял: «Что его зазирать, какой он был непутевый и варка у него такая же».

– Степан, далеко собрался?

Атаман подоспел. Лагов бежал за Степаном, а тот даже не оборачивался.

– Ты что это, атамана не признал? – одергивая сзади, выговаривал Лагов.

– Семен Петрович, здорово! А я думаю, мне или не мне кликают.

– Ты мне не бреши! Не слыхал он! Где был?!

– В округ ездил, дядьку навестить, – Степан как шел с конем, так и не останавливался, отвечая на вопросы атамана. Лагов бежал, не успевая, и пытался выпытать, что там в округе решают.

– Да, ты ж у нас особенный есаул, родней прикрываешься, но коли живешь в нашей станице, выполнять будешь мои поручения! – кричал атаман.

– А это ты, Семен Петрович, Тюрину скажи. Он мне приказал прибыть завтра на сборы да Димку прихватить, вот я и выполняю приказ. Иль ты перечить старшине вздумал?

– Ладно! Не ворчи, есаул. Хотел узнать, к чему готовиться? – спросил Лагов более уважительно.

– К войне с красными! – сказал Степан и пошел к отцу.

Не то чтобы Степан пренебрегал атаманом, но дела решать ездил к дядьке, особенно военные. Воспитание казака не позволяло перечить старшим, но в Адринской сложилась такая ситуация, что кругом все завидовали Тишиным. Иван Тимофеевич был на хорошем счету, даже награды царские имел. Тюрин был очень влиятельным казаком в округе, вот и бесились казаки, что кому-то все, а другим – ничего. А какую жену Степан отхватил. Хлопушин до сих пор этого забыть не мог.

Иван Тимофеевич сидел на лавочке, грелся весенним сол-

нышком да потягивал цигарку. Он вообще-то давно бросил курить, но если взялся за табак, значит, что-то неладно на душе. Увидев Степана, он так аккуратно поглядывал и отводил глаза в сторону, пытаясь рассмотреть настроение сына.

– Батя, о чем размышляешь? – спросил Степан и присел рядом с отцом.

– Думаю, какую ты весть из Медведицкой привез. Али пустым прискакал? – опять ворчал старик. Степан протянул руку и вынул его цигарку, затянувшись.

– Весточка есть. Завтра с Димкой отправляемся на службу, красных будем бить, пока не кончатся.

Иван Тимофеевич аж поменялся в лице, ногами начал дрыгать, лавочка под ним зашаталась, руками размахивал в разные стороны.

– Как! – вскрикнул он. – И Димку на погибель тащите?

– Приказ есть приказ, – сказал Степан, докуривая цигарку.

– Ну, шурин! Ну, Тюрин! Ах ты змей, Афанасий Семенович! Мало мне детей по полкам таскал смалу лет, так теперь двоих забирает, – бормотал Иван Тимофеевич. – Димка ему зачем?

– Батя, вообще-то Димка не малолетка, а служивый казак. Не забывай – в звании урядника ходит.

– А мне кто помогать будет? – разрывался Иван Тимофеевич, дюжа не хотел детей отправлять на войну, понимая, чем это все может закончиться.

– Про Петьку выведал?

– Пока никаких известий.

– Не бреши, по бельтюкам вижу. Правду казаки гутарят, у красных он. Ах ты сукин сын! Я его породил, я его и убью, только воротится.

***

Вечер был томным и безрадостным. Закат опускался на хутор, а зарево покрывало все небо, и только майские жуки летали, издавая звук моторов. Ирина сидела на крыльце, одетая в альяный балахон, и поглядывала в сторону истопки, где банился Степан. Весть о том, что мужу завтра придется уехать на службу, расстроило ее, но такова казачья доля.

С тех пор как они поженились, еще не было долгой разлуки, а теперь перед самым рождением первенца ей придется это ощутить. Но больше всего пугала Ирину в тот момент не служба Степана, а страх остаться вдовой. Она серьезно и, наверное, впервые в своей жизни об этом задумалась. Страх в ее мысли настолько сильно проникся, что в одних только размышлениях становилось тяжело на душе, а по коже бегали мурашки, покрывая красивые обнаженные руки мелкими пупырышками.

Ирина вовсе не из казачьей семьи. Она уроженка Петербурга – из знаменитого дворянского рода. Эта была благородная, образованная, владеющая языками красивая жен-

щина. В Усть-Медведицкую она приезжала к своей тетке и проводила там много времени. Там и познакомилась со Степаном. Ее матушка, Екатерина Алексеевна, была против этого брака, желая дочери более подходящей партии из местных дворянских чинов.

Был у нее ухажер из Петербурга, Маркин Аркадий Иванович, который даже после свадьбы не мог успокоиться, а однажды вступил в неравный бой со Степаном и был побит им же. Потом случилась революция. Ирина вопреки воле матушки отправилась за любимым в казачьи степи. Родители Степана обожали невестку, но по традиции Иван Тимофеевич всегда ворчал на дочку, как он ее мило называл.

Степан как ошпаренный выскочил из бани почти голышом, окутанный в простыню.

– Ну, что женка, рюмочку нальешь казаку?

– А то как же, – улыбаясь, сказала Ирина и пошла к летней веранде, где уже стоял богато накрытый стол. Степан, догоняя жену, накинул на ее плечи большой зипун, размера на три больше. – Замерзнешь, укатайся!

После ужина Степан обнял жену, так они и просидели, покуда не стемнеет, а звон казачьих напевов был слышан на весь хутор.

Утром все большое семейство собралось в курене Тишиных. Тимофей Аристархович, как всегда, сидел молча у печи и поглядывал на родственников, которые суетились в это утро больше прежнего. Варвара Семеновна с Ириной соби-

рали продукты. Машка лежала на печи, только одна голова была видна, и хлопала блестящими глазками на братьев.

Иван Тимофеевич бегал по дому, держа в руке иконку Божьей Матери у своей груди, и молился. Подбежав к отцу, сунул ему эту самую икону.

– Батя, займись делом – помолись за детей!

Тимофей Аристархович взял икону хрупкими и морщинистыми от старости ладошками и прижал к себе, продолжая молчать.

Иван Тимофеевич удалился в одну из комнат, а через некоторое время вытащил ящик с какими-то мазями и наварами. Он внимательно стал рассматривать каждую, поднося к окну, тем самым мешаясь хозяйкам собирать казакам еду в дорогу. Отобрал несколько баночек.

– Димка! – Димка подбежал к отцу и внимательно слушал. – Запоминай, казак! Если секанет, в рану засыпаешь эту мазь. – Взял другую баночку. – А ежели варка твоя дурная забудет и загноится рана, то вот этот раствор.

Степан сидел на табурете.

– Батя, а ежели пуля живот секанет, есть у тебя средства?

– Тьфу, дурак окаянный, как ты с ним живешь? – посмотрел он на Ирину, а та улыбнулась, наверное, впервые за утро.

Неожиданно у Тимофея Аристарховича прорезался голос.

– Ты б лучше им горилки с собою дал, чтобы горло смочить, а не мази. В этот момент все семейство повернулось в сторону старика и стали внимательно смотреть, а Машка

захохотала.

– Дед загутарил!

Иван Тимофеевич смотрел на деда пару минут, затем махнул рукой и опять куда-то убежал.

– Правильно дед гутарит, горилка пригодится, ей и раны можно смазать, – бурчал Иван Тимофеевич, держа в руке бутыль мутной горилки.

– Тьфу ты, я ему про горло, а он опять про раны, – сказал возмущенно дед. Все семейство опять повернулось, и на этот раз все захохотали, даже Иван Тимофеевич не удержался.

Машка спрыгнула с печи и, начала кричать, глядя в окошко:

– Тоня идет!

Антонина плелась с двумя своими детишками, держа их за руки, которые всю дорогу вырывались.

– Все семейство в сборе, – проворчал Иван Тимофеевич. – Присядем на дорожку.

А после все отправились на улицу провожать казаков в долгий путь.

Степан обнимал Ирину и наказал во всем слушаться родителей, та только кивала, а глаза наполнились слезами. Димка оседлал коня, а Иван Тимофеевич все твердил свое, про мази и растворы.

– Да ятно, батя, ятно – кивал Димка. Антонина обнимала Машку, которая выдавливала слезы, а Варвара Семеновна стояла как вкопанная и только смотрела на детей.

– Да будет вам реветь! – крикнул Степан и запрыгнул на коня. – Даст Бог, скоро свидимся, – добавил казак. Тимофей Аристархович стоял у окна и наблюдал, затем схватил со стола бутыль с горилкой, налил остатки в кружку, перекрестился и выпил со словами:

– с Богом!

Казаки удалялись от родного дома, а Иван Тимофеевич с иконкой так и шел за ними в степь, читал молитвы и крестился.

Глава 2

– Димка! Ты вообще вразумляешь, что происходит? Куда это мы с тобой поспешаем? – спросил Степан.

– Ясно куда – красных бить, – ответил Димка.

– Вроде не малолетка уже, а совсем глупо́й. Давай к речке свернем да искупнемся, я там тебе растолкую, – сказал Степан. Братушки повернули коней к Медведице да поскакали вдоль реки.

Погода была ясная и теплая. Река переливалась разными цветами, а вода была прозрачная, как слеза младенца. У Степана было любимое место на реке, куда он любил ездить вместе с женой. Посадит, бывало, ее на коня сзади и скачет что есть силы. Ирина, не приученная к казацким порядкам, первое время боялась, а потом привыкла.

На берегу стоял большой клен, уже распустив свои широкие листья. Вниз шел большой спуск. Река имела большую глубину у берега, а в самой середине мель.

– Ну, что, братушка, искупнемся?! – раздевшись догола, прыгнул в реку Степан.

– А то, – кричал Димка и следом бежал.

– Хороша водичка, холодненькая пошла, – кричал Степан. – Догоняй, а там покалякаем, – добавил братушка.

Доплыв до середки реки, они присели на мель, где воды было не более двух ладошек. Она была до того прозрачная,

что просматривался белый песок, а мальков можно было ловить руками.

– Степан, что ты все загадками гутаришь? – младший Тишин был так же сложен, как брат: высокого роста, с широкими плечами, только белокурый, как матушка.

– Димка, ты готов умереть за белых?

– А кто ж не готов!

– Я не готов! – громко крикнул Степан, да так вгляделся ему в глаза, что аж скулы надулись.

– Ты что это, братушка, к красноперым засобирался?

– Никуда я не засобирался. Я не понимаю одного – зачем мы убиваем друг друга? Что красные, что белые: все одной нации, а живем на одной земле. За родной дом я готов умереть: за жену, за батю, мамку, сестру. А это что получается? – посмотрел он на Димку.

– Чаво? – с удивлением спросил Димка.

– А то, братушка, что нас используют, как валухов. А когда все утихнет, нашу землю зарас и поделят, – сказал Степан.

– Да неужто!

– А ты думал, идешь за страну кровь проливать али за семью? – спросил Степан. Димка замолчал и задумался, наклонив голову в колени, всматриваясь в донышко реки. – Скажи мне, Дмитрий, ежели ты Петра встретишь, махающего шашкой против себя, что сделаешь? – так с подковыркой спросил Степан.

– Не брехали казаки.

– То-то и оно, братушка. Не знаешь, что гутаришь. Объявили Краснова атаманом, полки собирают, а повсюду красные. А кто такие красные? Свои же. А сколько немцев и австрияков состоят на службе у казаков? Вчера мы с ними воевали, а сегодня плечом к плечу стоять будем? – спрашивал Степан у брата, но не дождавшись ответа, сам и отвечал: – С ними же против брата! Это что ж получается: казак с немцем идет против брата казака?

– Против большевика! – крикнул Димка.

– А большевик кто? Тот же казак, только названный теперь по-другому.

Братья долго вели беседу, и сложилось впечатление, что разные у них мнения о данном вопросе. Димка твердо стоял за белых, а Степан метался и не понимал, для чего эта война. Одно он точно понимал: это кровопролитие бессмысленно. Победит сильнейший, идейный, но пострадают люди.

***

К маю 1918 года сложилась такая ситуация, что власть переходила из рук в руки. Тогда же вышел знаменитый приказ № 1 Всевеликому Войску Донскому.

«Волею Круга Спасения Дона я избран на пост Донского Атамана с предоставлением мне полной власти во всем объеме. Объявляя при сем “Основные Законы Всевеликого Вой-

ска Донского", предписываю всем ведомствам, учреждениям и всем вообще казакам и гражданам Войска Донского ими руководствоваться. В тяжелые дни общей государственной разрухи приходится мне вступать в управление Войском. Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы войска для борьбы в союзе с нами, с бандами красногвардейцев и водворения на Дону полного порядка. Далеко не все Войско очищено от разбойников и темных сил, которые смущают простую душу казака. Враг разбит наружно, но остался внутри Войска, и борьба с ним стала еще более трудна, потому что он очень часто будет прикрываться личиной друга и вести тайную работу, растлевая умы и сердца казаков и граждан Войска.

Многие граждане развращены возможностью, бывшей при советских властях, безнаказанно убивать жителей, грабить имущество и самовольно захватывать земли. Впереди, если мы не успеем засеять хлеб и снять урожай, северные округа ожидает голод. Население исстрадалось недостатком продуктов первой необходимости, отсутствием денежных знаков и непомерной дороговизной. При этих условиях спасти Дон и вывести его на путь процветания возможно только при условии общей неуклонной и честной работы. Казаки и граждане! Я призываю вас к полному спокойствию в стране. Как ни тяжело для нашего казачьего сердца, я требую, чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходок по отношению к германским войскам и

смотрели бы на них так же, как на свои части.

Зная строгую дисциплину Германской армии, я уверен, что нам удастся сохранить хорошие отношении до тех пор, пока германцам придется оставаться у нас для охраны порядка и пока мы не создадим своей армии, которая сможет сама охранить личную безопасность и неприкосновенность гражданина без помощи иностранных частей. Нужно помнить, что победил нас не германский солдат, а победили наше невежество, темнота и та тяжелая болезнь, которая охватила все Войско и не только Войско, но и всю Россию. Казаки и граждане, нас спасет только общая работа. Пусть каждый станет на свое дело, большое и маленькое, какое бы то ни было, и поведет его с полной и несокрушимой силой, честно и добросовестно. Вы, хозяева своей земли, украшайте ее своей работой и трудами, а Бог благословит труды наши. Бросьте пустые разговоры и приступите к деловой работе. Каждый да найдет свое место и свое дело и примется за него немедленно и будет спокоен, что плодами его трудов никто не посмеет воспользоваться. А обо мне знайте, что для меня дороже всего честь, слава и процветание Всевеликого Войска Донского, выше которого для меня нет ничего. Моя присяга вам, казакам и гражданам, вам, доблестные спасители Родины, члены Круга Спасения Дона, служить интересам Войска честно и нелицемерно, не зная ни свойства, ни родства, не щадя ни здоровья, ни жизни. Об одном молю Бога, чтобы он помог мне нести тяже-

лый крест, который вы на меня возложили". Далее в приказе перечислялись задачи каждому ведомству.

Петр Николаевич Краснов

За неполный год борьбы с большевиками Дон был разрушен основательно. Не функционировали органы государственной власти. Банки и кассы оказались опустошенными. Образовательные учреждения были превращены в казармы, читальни, библиотеки были разграблены. Храмы находились в унизительном состоянии, все было разрушено и вывезено.

Главное, на Дону царила настоящая анархия. Грабежи, кражи, разбои даже среди казаков, которые отличались воспитанием. Таковы были плоды новой власти, которая, придя к этой самой власти в октябре 1917 года, обещала совершенно другое отношение, особенно к крестьянскому населению.

***

Не успели Степан с Димкой выбраться на берег, как обнаружили Хлопушина, сидящего верхом на коне.

– А ты что тута забыл, Андрей Савельич? – спросил Степан.

– Афанасий Семенович за вами послал, – ответил Хлопушин. – Я сразу понял, что вы тута, на любимом берегу Ирины. Ведь ты у меня именно тута ее увел! – утвердительно заявил Андрей.

– Не увел, Андрей Савельич, а она сделала свой выбор! – ответил Степан, поднимая штаны и натягивая еще на мокрое тело. – Чего хотел? Гутарь, коли прискакал.

– Нельзя нам в Медведицкую, Степан Иванович. Там уже красные осели. Афанасий Семенович велел доложить, чтобы вы в Ново-Александровскую прибыли, да поскорее.

– Как же так! Только вчера был! Ах вы сукины красные! Кто такие? – спрашивал Степан.

– Мироновцы и сам Филипп Кузьмич! – сказал Хлопушин.

– Пошевеливайся, Димка! – кричал Степан, запрыгивая на коня. Димка бегал вокруг дерева и не мог найти сапог. – Ну, казак, догоняй!

Они мчались через степь в станицу, куда временно перебрались казаки. Медведицкая была занята красными, теми же казаками, которые перешли на сторону большевиков.

Погода менялась, и надвигалась черная туча, небо заволокло темной пленкой и прокапывался мелкий дождь.

– Ох и ливанет зараз! – кричал Димка, находившись по одну сторону с Хлопушиным, а Степан гнал впереди.

– А ты, Димка, дождя испужался? – засмеялся Хлопушин.

– Вроде здоровый казак, а глупой ты, Андрей. Чего ж его пужаться, – кричал Димка.

– А ты как оказался у дядьки? – дернув коня, немного затормозил Степан.

– Казаки решили меня гонцом отправить в станицу. Рано

утром наткнулся на наших, там и был ваш дядька, он мне все рассказал да за вами послал, – сказал Хлопушин. – Не доверяешь, Степан Иванович? —

Доверяй, но проверяй, время зараз такое, – ответил Степан.

– И то правильно, Степан Иванович, ежели родной братушка предал, то от чужого чего хочешь ожидай, – опять подковырнул Хлопушин. Степан развернул коня, вытащил шашку и поднял ее над головой Андрея.

– Зарублю и не посмотрю, что мы с тобой в дружбе ходим.

Димка чуть с коня не свалился.

– Степан ты чего, ну, ляпнул дурак, – опасаясь, сказал Димка, а Хлопушин сидел с гордо поднятой головой и улыбался.

– Рубай, Степан Иванович! Только вся станица гутарит об этом, а давичи его видали у мироновцев с красной ленточкой на грудях, – кричал Хлопушин. Степан молча засунул шашку обратно и развернул коня.

– Чего аскалишься? Ты смотри мне, Андрей. Держи лучше язык за зубами.

Станица была окутана густым туманом, кругом казаки, вооруженные винтовками, народу было столько, что не протолкнуться. Складывалось впечатление, что станица превратилась в большое Войско. На въезде стоял молодой казак, который остановил троицу.

– К кому путь держите?

– Старшина Тюрин нас ждет! – ответил Степан.

– Прямо и направо, там штаб, – указал молоденький казак, которому было не более пятнадцати-шестнадцати лет.

Возле штаба, который разместился в местной гимназии, стояли вооруженные люди. Совсем рядом, казаки жгли костер, на котором варили еду. Чуть поодаль находилась конница. В соседнем здании струей вытянулась очередь за версту, по всей видимости, новобранцы.

– Куда это малолетки собрались? Неужто воевать! – сказал Степан, удивившись.

– Казаки, где прибывает старшина Тюрин? – спросил Степан у казаков.

– Так зайди в штаб и увидишь!

– Здесь меня ждите, – сказал Степан, а сам направился в здание. Не успев дойти до порога, как появился Афанасий Семенович.

– Где тебя черти носят?

– Малость на речке задержались, дядь.

– Это хорошо, а то попали бы к мироновцам прямо в руки. Давай, прогуляемся, – сказал дядька, и они направились вглубь станицы.

– Плохи наши дела, Степан! Вчера не успели повечерять, как прискакал гонец и сообщил, что идет на нас армада красных. Слыхал про Миронова?

– А как же, дядь!

– Мироновцами их кликают. Пришлось нам в спешке ухо-

дить, а то перерубали бы всех да вырезали всю станицу. Пока будем здесь обустраиваться. Гонцы уже поскакали по всем станицам и хуторам объявить о сборе казаков. Времени у нас мало, месяц – не больше. Нужно собрать Войско. Тебя назначаю ответственным за добровольческие отряды. Димку к себе возьмешь.

– Из чьих будут добровольцы? – поинтересовался Степан.

– Да малолетки в основном – гимназисты и прочие мамкины сынки.

– Дядь, ну ты чего! Я боевой казак и буду возиться с малолетками? – кричал, размахивая руками Степан.

– Приказ выполнять! – крикнул дядька. – Ну нету у меня больше казаков, нету! Новочеркасск то к красным перейдет, то к нашим. Приказ сверху пришел – всех набирать, кто желает сражаться. Обучишь их военному делу, глядишь и казаки подтянутся, авось не придется малолеток дергать. Пусть в тылу сидят, пока все не утихнет.

– А утихнет ли? – спросил Степан.

– Нее знаю, Степа, – вздохнул дядька.

– Слух прошел, что Петр наш у мироновцев?

– Да знаю я! Он вчера и принес эту весточку. Сам прискакал с посланием. Мол, уходите по-хорошему, иначе зарубаем всех, – сказал дядька.

– А ты?

– А что я! Отпустил с Богом, уговаривать не стал.

Некоторое время они шли молча, а Степан пытался что-

то спросить, но не решался.

– Ну, гутарь, вижу же, что хочешь что-то спросить, – сказал Тюрин.

– Дядь, тут такое дело, казаки гутарят, что немцы нашими союзниками стали. Может быть, поэтому казаки перешли на сторону большевиков и Петька прав? Скажи мне, как на духу.

– Прав ты, Степан, союз у нас с немцами, которые окапались на Украине. Казаки возмущались, но атаман заверил, что это во благо Дона. Никак нам без их помощи, а оружие все с Украины идет, – сказал Афанасий Семенович.

– Таганрог под немцами – это так мы с ними дружим? – возмущенно спросил Степан.

– Немцы уверяли, что это временная мера, пока большевиков не побьем, – сказал дядька.

– Ага, а потом они на Дон захотят поселиться да куреня наши занять, – покивал Степан да пошел к брату и Хлопушину, которые его ждали с казаками у костра и угощались горячим чайком.

***

Начальник штаба Донских армий тех времен генерал-майор И. А. Поляков написал книгу о тех событиях и утверждал, что Краснов действительно связался с гетманом Скоропадским и немецким руководством с просьбой о помощи борь-

бы с большевиками. Кроме того, письмо было отправлено лично императору Германии Вильгельму.

Украина и немцы с удовольствием приняли просьбу атамана и уже через несколько дней отправили послов для решения насущных проблем. Первое время казаки были против немецкого вмешательства, но однажды атаман на казачьем круге сказал следующие слова: «Да, господа, Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, Донской Атаман, своими руками беру грязные немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежит на мне». После этих слов нападки казаков прекратились.

Добровольческой армией командовал генерал Деникин, который был категорически против вмешательства в дела русские немецких войск, тем более Украина тоже имела свои интересы в нынешней Ростовской области и в Екатеринодаре (Краснодар).

В июле 1918 года атаман Краснов направил еще одно письмо в Германию, в котором были обозначены ориентиры Донского края. В нем предлагалось взамен на помощь Германии построить единое государство на юге России. В него должны были войти Донской край, Ставропольский, Кубанский, Терский и Северный Кавказ. В письме была просьба вернуть Таганрог под власть казаков, в котором находились немцы с украинской армией.

Немцы одобрили этот план и вернули Таганрог. Узнав о письме, среди казаков начались разногласия. Но более жесткую позицию в этом вопросе видели генералы Деникин и Алексеев командующие Добровольческой армией. Они формально были единым Белым движением против большевиков, но не могли принять союзнические отношения с Германией, которые являлись врагами всей России в первую мировую.

Тем не менее помощь Германии сыграла существенную роль в борьбе с большевиками. Многие территории были очищены от красных, а Дон начал процветать. Росла промышленность, собрали большой урожай, заработали банки и кассы, формировалась армия, но разногласий между Донскими казаками и Добровольческой армией становилось все больше. Это послужило поводом, что все больше казаков переходили к большевикам, не желая быть союзниками враждебной Германии, против которой они недавно воевали в составе еще Российской империи.

Был и повод враждебного отношения к Добровольческой армии, которую возглавляли генералы, некогда предав императора Николая Второго. Таковым являлся Алексеев. Казаки говорили так: «Зачем они пришли из России к нам на Дон?». Обратите внимание на фразу «из России». Хотя генерал Поляков и утверждает в своих мемуарах, что казаки хотели очистить Дон, а затем и всю Россию от большевиков, но мне думается, что целью Краснова и его товарищей по це-

ху являлось построить отдельное государство на юго-западе России.

А чего же хотели немцы взамен? Геополитику никто не отменял, влияния на Украину и юг России имело стратегическое значение. Наверное, один из важных вопросов – земля. Земля равно продовольствие, чем богата южная часть России. В будущем мы увидим подобные цели гитлеровской Германии, а сейчас мы видим это на Украине, где страна продалась Западу взамен на свои богатые земли и влияния на Россию. Что-то изменилось спустя сто лет?

Только тогда, летом 1918 года, немцы еще не знали, что они вскоре подпишут унизительный Версальский договор, который вгонит страну в рабство и унижение. Об этом не знали и казаки, которые доверялись им и сделали их своими союзниками. Знали ли Деникин с Алексеевым? Только у большевиков была конкретная цель – вернуть страну в прежние границы и установить Советскую власть, поэтому они и победили.

***

Наступил вечер, он для Степана был грустным и в какой-то степени весь в размышлениях. Казаки сидели у костра и напевали песни, а Степан сидел в сторонке, задумчиво посматривая в темное небо, на котором было всего несколько звездочек.

«Что ж это получается? В этой борьбе образовалось три лагеря: большевики, казаки и добровольцы, – размышлял Степан. – Вроде как мы с добровольцами заодно, против красных, а получается, и с ними не в ладах. Нам сейчас скажут: ваше дело маленькое. Берите винтовки да шашки и рубайте друг друга, только вот казак должен знать, за что он рубает брата своего. Мы даже не знаем, чего хотят большевики! Нам об этом не гутарят. Вот ежели Петька прав, да ушел он к красноперым во блага своего и во блага хутора нашего. Чего хочет простой казак, да вообще простой люд! Кто-нибудь спросил нас об этом? Немцы помогают оружием, а вчера мы с ними воевали. А взамен зерно наше потащат к себе, которое наши бабоньки да малолетки растят на полях. А кому еще? Всех казаков призвали. Не нравится… ох не нравится мне эта ситуация. Как будто за дураков нас принимают».

Степан поедал себя мыслями об этой никому ненужной войне, о напрасных жертвах. Он метался из стороны в сторону, а поступок родного брата еще больше подталкивал его к мысли о правильности выбора в данной ситуации. Нет, он не собирался к красным. Он прекрасно понимал, что там пропаганды не меньше, а то и больше. Он ждал, что в его голове появится мысль и он поймет смысл этого противостояния.

Глядя издали на Хлопушина, Степану вдруг вспомнилась та история с Ириной. Он улыбнулся и задумчиво вспомнил: «Я ни минуты не сомневался, что она выберет меня. Я пом-

ню ее взгляд, тот загадочный и пронзительный до глубины души, когда мы встретились в станице. Меня как душем окатили, когда она всмотрелась своими большими голубыми глазами. На что Андрейка рассчитывал? А теперь обижается. Носит же эту обиду, подлец. До сих пор. Вместо того, чтобы бабу себе найти».

Степан встал да пошел в курень, где они расположились вместе с Димкой, только крикнув брату. Нужно было отдохнуть, завтра будет трудный день.

«Дядька обещал пригнать добровольцев: молодых, необученных и, по всей видимости, совсем еще глупых», – думал Степан Иванович.

Утром в курень ворвался дядька.

– Хватит дрыхнуть казаки!

– Дядь, пять утра ж еще! – свесив ноги с печки, бормотал Димка.

– Война, а вы дрыхните! Умылись, оделись и жду вас в штабе! Новобранцы уже заждались, – крикнул дядька и ушел.

– Ятно? – поглядывая на Димку, щурясь, сказал Степан.

– Ятно, ятно, – сползал с печи Димка.

Следом за дядькой в курень вошла казачка, лет двадцати, немного полненькая и довольно милая на лицо.

– Я вам тута поисть собрала, – улыбаясь, сказала она. – Меня Катериной кликают!

– Спасибо, а вы кем в этом доме будете? – поинтересовал-

ся Димка.

– Дочь я Марфы Петровны, которая вас вчера принимала, – с улыбкой сказала она и принялась накрывать на стол.

– Извольте поинтересоваться, а где ж вы ночевали? – спросил Димка.

– Так на сеновале, тепло уже, а что дорогим гостям мешать.

Димка аж засиял, увидев Катерину, и принялся было помогать той накрывать на стол, как Степан дал ему подзатыльник.

– Водные процедуры! – они вышли на улицу и начали обливаться холодной водой. – Ты что это, Димка, запал, что ли? – спросил Степан, выливая на Димку целое ведро воды.

– А что, не имею права? – возмущенно так, смахивая воду с лица, говорил Димка.

– Имеешь, но аккуратней, а то сведет тебя сума дуреха, ты про свои прямые обязанности забудешь.

Завтракая, Димка все время посматривал на Катерину, которая сидела на табурете чуть поодаль и улыбалась. Степан аж начал смущаться их взглядов.

– Димка, догоняй! – сказал Степан, поднявшись из-за стола.

– Степан Иванович, вы же не доели! – сказала Катерина.

– Спасибо вам, хозяюшка, я уже сыт! – сказал Степан и вышел на улицу.

– Что ж вы, Катерина, вдвоем с мамкой живете? – доволь-

но уверенно спросил Димка.

– Вдвоем, – вздохнула Катерина.

– Не трудно ли без казаков?

– Справляемся! Вы ешьте, Дмитрий Иванович. Хотите, я еще добавлю каши? – сказала Катерина.

– Пойду я уже, а то братушка будет волноваться.

– Строгий у вас братец, – сказала Катерина, убирая миски со стола да закидывая их в подол балахона. При этом ноги немного оголились. Димка, увидев, даже засмущался, отвернувшись, а Катерина даже не заметила.

– Братушка у меня строгий, но справедливый, – сказал Димка и пулей выскочил на улицу.

– Что, тебя там в угол Катерина своими формами приперла, что ты выскочил как ошпаренный? – смеялся Степан, стоявший на крыльце, и покуривал цигарку.

– Никто меня не припер… Сам вышел, – пробормотал Димка и побежал за конями в надворные постройки. Степан еще больше стал закатываться.

– Что, Димка, с бабами сложнее, чем с шашкой и конем управляться?

Димка молча оседлал коня, а сам поглядывал в сторону куреня.

– Ты смотри, братушка, не подженись мне тута, а то батя нам даст за самоуправство, – кричал Степан. Братья поскакали в штаб, где их уже ожидал Афанасий Семенович с молодым пополнением.

– Ух ты! Это ж что за мóлодцы! – крикнул Степан, увидев молодняк, который собрался возле штаба. Возле перестроенной гимназии в штаб стояли совсем еще дети. На вид им было шестнадцать-семнадцать лет, а некоторые вообще за двенадцатилетних сходили. Ребят было человек тридцать. На пороге появился дядька, который быстрым шагом направился к Степану. Неподалеку сидел Хлопушин, посматривая в их сторону и затягивал цигарку.

– Вот, Степан Иванович! Принимай пополнения! – крикнул Афанасий Семенович.

– Дядь, давай отойдем, погутарим с глазу на глаз, – сказал Степан.

– Я и без твоего глаза знаю, что ты мне гутарить будешь. Принимай и приступай к обучению молодых казаков. Чтобы через месяц они у тебя могли не только шашкой махать, но и стрелять из всех видов оружия. Лично буду экзамен принимать! – высказал на повышенных дядька.

– Афанасий Семенович, миленький, отправь меня лучше на передовую. Ну не губи ты мое сердце. Кого здесь обучать? Это ж дети еще! Пусть бегут к мамкам да помогают на посеве. Жрать-то что-то нужно будет осенью, – упрашивал слезно Степан.

– Все! Цыц мне! Расплакался он! Димка?

Дмитрий бежал к дядьке как ошпаренный, поглядывая в разные стороны.

– На вот, возьми бумагу и займись переписью вновь при-

бывших, чтобы на каждого личное дело было, – говорил дядька. А ты, Степан, займись казаками. Расхлябались мне тута! – с такими словами Тюрин удалился.

Хлопушин ехидно улыбался в сторонке, а малолетки стояли и хлопали глазками, посматривая на своего нового командира. Делать было нечего, Степан начал строить казаков.

– Стройтесь, братцы, покажем, командиру, на что мы способны! – кто-то крикнул из толпы малолеток.

***

Шли дни, недели и очень быстро рядом со станицей вырос целый городок. В нем размещались новобранцы, а Степан с Димкой обучали их военному делу. Все было устроено по высшему военному образцу. Построения, перекличка и целый день занятия военному делу. Димка каждый день командовал молодыми казаками.

За бугром, чуть поодаль лагеря был организован полигон, где молодые казаки сходились в рубке, стреляли по мишеням, обучались тактике, а после, чистили винтовки и занимались бытовыми делами. Степан внимательно вникал в процесс обучения и после первой недели полюбил своих казаков, да так, что уже не представлял, как он обходился бы без них.

Хлопушин тоже находился в лагере и выполнял разные поручения старшины Тюрина, который руководил всем про-

цессом. Кроме того, в станице был организован полк из боевых казаков, которые примкнули к лагерю из ближайших хуторов и станиц. Часто можно было заметить в лагере отца и сына. Первый служил в полку, а второй – у Степана. Одним словом, жизнь бурлила, а на фронте были успехи. Казаки выдавливали большевиков с Дона.

В один из солнечных дней Степан сидел на мешках с провиантом и наблюдал, как молодые казаки рубятся шашками. Димка стоял рядом и громко кричал на казаков, исправляя их ошибки. Он был искусным мастером рубиться на шашках, даже Степан ему порой удивлялся.

Послышался грохот и шум копыт – это мчался сам Афанасий Семенович. Степан обернулся и увидел дядьку.

– Степан, собирайся в станицу, гости к тебе пожаловали!

– Какие такие еще гости? – удивленно спросил Степан.

– Батя да Иринка приехали. Не удержалась, уговорила старика, – крикнул дядька.

Степан услышал новость, что жена в станице и мигом помчался к коню, только на ходу кричал Димке и давал указания. Он с ходу оседлал лошадь и поскакал в станицу. Там его уже ждала Ирина с гостинцами, а Иван Тимофеевич ходил среди служивых казаков и чему-то пытался их научить. Ворчал казак, как обычно.

Увидев Степана, жена помчалась к нему навстречу, только живот придерживала.

– Дуреха! Ох, дуреха! Куда это тебя понесло в такую

даль! – кричал Степан, спрыгивая с коня, обнимая Ирину.

– Не могла удержаться! Уговорила папаню приехать к тебе!

– Ох, дуреха моя! – продолжал причитать Степан, а сам был рад и только прижимал жену все крепче и крепче.

– Не ешь, наверное, ничего тута! Вижу, что голодный! Пошли, повечерять будем! – говорила Ирина.

– Рано еще. Димку дождемся, и все вместе вечерять будем, – сказал Степан.

– Ну хватит, покахаться на людя́х, – кричал Иван Тимофеевич, приближаясь к сыну. Ковыляя своей неторопливой походкой, подошел к Степану да поправил ему фуражку.

– Батя, давай, хоть прижмемся, что ль! – с улыбкой сказал Степан.

– Тьфу ты, дурень, тоже вздумал мне. Где этот балбес? – проворчал Иван Тимофеевич.

– Обучает молодых, скоро прибудет, – сказал Степан, и они направились в курень.

– Благодари женку – это она затеяла к вам направиться, – бурчал отец.

– А ты и не рад увидеть сынов? – с улыбкой спросил Степан.

– Рад, не рад – мое дело доставить! – сказал отец, а сам сиял, что дети в полном порядке.

Вечером все собрались и принялись принимать трапезу. Иван Тимофеевич с Ириной прибыли на одну ночь. Димка,

как всегда, поглядывал на Катерину, которая находилась там же. Иван Тимофеевич быстро заприметил это дело.

– Степан, пойдем, погутарить надобно!

Они вышли из куреня и прошли вдоль база, усевшись в бричку, на которой прибыли нежданные гости. Иван Тимофеевич достал махорку и стал закручивать цигарку, поглядывая на Степана.

– Ну гутарь уже, батя! Не затянуться ты ж меня позвал?

– А чего ж не затянуться с батей, – хриплым голосом проговорил отец.

– Что это Димка наш так на Катерину вылупляется? – спросил Иван Тимофеевич. – Никак заприметил себе бабенку… а?

– Заприметил, батя, зараз заприметил, – делая затяжку и выпуская дым в небо, сказал Степан.

– Ах ты, сорванец! Не время размышлять о бабах!

– Чего ж не время? Димка взрослый казак, надобно и присмотреться к семейной жизни, – сказал Степан.

– Ты разузнал про Катерину?

– Батя, а мне незачем… Это Димка пусть решает!

– Это мне решать! – вскрикнул Иван Тимофеевич. – Ежели Иринке не рожать, то остался бы я тута с вами да пригляделся к Катерине. А так наказываю тебе присмотреться! Смотри мне, Степан, чтобы не обдурила Димку.

Степан засмеялся.

– Как там мамка да Машка? – спросил Степан.

– Что с ними будет. Одна цельный день валяется на печи, другая – у печи… Ха-ха-ха! – раздался громкий смех. Батя с сыном смеялись и обнялись, пока никто не видит.

– Ты мне вот чего скажи. Биться-то с красными придется иль сборами обойдется?

– Ой, батя, не знаю. Вроде как наши погнали красных, а там, гляди, все переменится.

– Ладно! – вскрикнул Иван Тимофеевич. – Наказываю тебе за Димкой следить, чтобы не наделал мне дел.

– Ты об чем?

– Об том, что притащит мне пузатую Катерину!

– Ну, притащит и притащит! Ладно, батя, пошли внутрь, дюжа по жене соскучился, – сказал Степан.

Иван Тимофеевич бежал мелкими шагами за Степаном и приговаривал:

– Ты мне все равно смотри за ним.

Совсем мало времени прошло с тех пор, как Степан уехал из родного хутора, но за это время Ирина успела соскучиться. Каждый день она молилась за мужа, чтобы с ним ничего не случилось. В этот вечер они сидели допоздна и не могли налюбоваться друг на друга. Для Степана это был приятный сюрприз, но служба продолжалась. На заранке Иван Тимофеевич с Ириной отправились домой, а братушки их провожали. Степан шел за лошадью, пока дорога не закончится и махал жене.

Глава 3

Лето выдалось жарким и душным. Во всех куренях двери стояли нараспашку. Хутор Ольховый обезлюдел. В базу разве только можно было встретить казаков-стариков, детей и казачек. Уже вечерело, Иван Тимофеевич вместе с Варварой Семёновной сидели на улице, о чём-то размышляя. Это были редкие минуты, когда они могли спокойно поговорить. Неожиданно, как стрела, выскочила Машка.

– Батя! Маманя! Началось! Началося… – кричала Машка и, вылупив глаза, бежала в сторону родителей.

– Тьфу ты, дурёха, чего у тебя там началось? – хриплым голосом пробурчал Иван Тимофеевич.

Варвара Семёновна вскочила с бревна и стала от испуга кружиться.

– Дурак старый! Иринка рожает!

– Ох ты, Божья Матерь! Воды мне и тряпок, – возопил Иван Тимофеевич. Машка схватила ведро и побежала к колодцу.

– Не слухай его, Машка, я за повитухой. Не пущай батю к Иринке, не его это дело, роды принимать! – кричала Варвара Семёновна.

– Я лекарь, лучше вашего знаю, что надобно, а что нет! – бурчал Иван Тимофеевич, а сам не решался идти в курень.

Несмотря на современную медицину XX века, у казаков

было принято роды принимать по старинному обычаю. Приглашалась повитуха, а все члены семьи мужского пола выгонялись на улицу. Существовал даже целый родильный обряд, который казаки беспрекословно выполняли. В доме обычно оставались две родственницы роженицы и повитуха.

Иван Тимофеевич поковылял в курень, схватил Тимофея Аристарховича под руки и сказал:

– Пойдём, батя! Не наше дело тут топтаться.

– Ванька, ты б горилки прихватил, чтобы не слишком нам думать об родах, – пробурчал самый старший Тишин.

– Тебе лишь бы хлебануть, всегда повод найдёшь, – бурчал Иван Тимофеевич.

– Правду гутаришь, батя, без горилки не обойдёмся, – однако добавил он.

Тишин усадил отца на лавочке, а сам побежал в подвальчик неподалёку, откуда вытащил бутыль горилки.

– Машка! Хлебу нам принеси и солью посыпь! – крикнул Иван Тимофеевич.

– Удивительное это событие. Пятерых Варвара рожала, и каждого ждал, как первого, волнуюсь – сил моих нет. Теперь внуков жду, а чувства прежние, – сказал Иван Тимофеевич, разливая горилку.

– Это в тебе родственная душа играет, – сказал Тимофей Аристархович и потянулся за стаканом.

– А-а-а, батя, тебе только одно: выпить да бельтюки зака-

тить, – пробурчал Иван Тимофеевич, но сам также потянулся за стаканом горилки.

На пороге появилась Машка, держа в руках хлеб, испечённый в печи, лук и соль. Подбежала и положила на пенёк рядом со стариками.

– Ну, что там с Иринкой? – поинтересовался батя.

– Кричит да стонет! – ответила Машка.

Возле заборчика появилась Варвара Семёновна, позади нее быстрым шагом шла повитуха из соседнего база. Звали её Раиса Кузьминична.

– Кузьминична, ты береги мне внука и дочку, – крикнул Иван Тимофеевич, откусывая головку лука.

– Не учи, дед! – проворчала повитуха и направилась внутрь.

Машка побежала следом, а казаки остались на улице. Ожидание было долгим, почти пятичасовым. Уже давно стемнело. Дедушка заснул на лавочке, только прислонился к стенке сарайчика. Иван Тимофеевич накинул на него зипун, чтобы тот не застудился, а сам бегал вдоль база, но не решался зайти в курень. На пороге появилась Машка.

– Папаня! Ты истопку справил?

– Ой, дурак старый! Совсем варка моя дурная стала, – пробурчал Иван Тимофеевич и побежал топить баню.

***

Особо строгие элементы запретов встречаются на Дону в родильной обрядности, связанной с матерью и ребенком. Эти запреты имеют цели обережные и предупреждающие.

Беременной запрещалось садиться на пустое ведро, иначе может случиться выкидыш. Запрет основан на сравнении пустого ведра и пустого чрева. Нельзя переступать через коромысло, «при родах ребенок поперек пойдет»; здесь кривая линия коромысла наводит на мысль об отрицательном воздействии на женщину.

Запрещалось перешагивать беременной через лежащие поперёк палку, дрова или дерево. Это могло привести к неправильному расположению плода при родах. Если по неосторожности она все же их переступила, должна тут же шагнуть назад.

Часто содержание и смысл запретов построены на логической взаимосвязи: «беременной нельзя стричь волосы, её жизнь и счастье ребенка укорачиваются». Волосы символизируют сохранение силы и энергии человека, являются сакральной частью тела, а длина волос сравнивается с длиной жизни, счастья. Именно поэтому, по рассказам станичников, «волосы никогда не выбрасывали в мусор и не сжигали, а собирали в наволочку, которую после смерти клали в гроб».

«Тяжелым», так называли в старину беременных жен-

щин, запрещалось прясть шерсть и вязать, иначе «пупок замотается на шею ребенка». Вязание, пряжа и нитки ассоциируются с путаницей, беспорядком. Жизненные, бытовые ситуации фольклоризируются и приобретают символический смысл.

Запрещалось беременным обижать живность – кошек, собак, так как боялись проклятия животных, отчего ребенок мог родиться больным, а то и инвалидом. Из пожелания долгой жизни ребёнку широко распространился совет-запрет – «нерожденному дитю нельзя заранее покупать одежду».

Эти обряды сопровождали появление ребенка на свет, символизировали его принятие в семью и общину, помогали очиститься, защититься от влияния недобрых сил.

Следует отметить, что большое количество предрассудков и суеверий связано с действиями, направленными на рождение сына, поскольку в среде донцов это имело особую ценность. На свет рождался казак, продолжатель рода, будущий воин и владелец земельного пая. «Казачьему роду – нет переводу!» – гордо говорили казаки, имевшие сыновей. С этой целью над кроватью донцы вешали ружье и саблю, а также нередко вместо подушки клали седло или под подушку подкладывали счастливую пулю. Казачки стойко претерпевали эти неудобства ради появления на свет наследника.

Когда женщина готовилась рожать, то в доме отворяли все двери. Родившегося младенца тщательно берегли от

«сглазу» (от недоброго взгляда, наведения порчи и т. п.).

Чтобы уберечь ребенка от сглаза и порчи, мать не должна была до сорока дней выносить его на улицу, показывать чужим людям. В народе говорили: «Новорожденного до сорока дней нельзя никому показывать, а то сглазят». В этот промежуток времени мать и дитя живут между двух миров (тем светом и этим).

Многие запреты направлены на сохранение здоровья ребенка: «младенец не должен смотреть в зеркала, потому что он может, испугавшись, долго не разговаривать, стать заикой или немым», «нельзя ударять ребенка метлой, а не то он заболеет».

В некоторых запретах отражается символ пустоты: «нельзя качать пустую колыбель, а то ребенок будет плаксивым», «не качай пустую колыбель, а то черта качаешь».

Не разрешалось смотреть на спящего в люльке младенца со стороны изголовья. Выстиранную одежду ребенка нельзя оставлять сушиться на ночь на улице, не то ребенок станет калекой.

У изголовья младенца до совершения над ним таинства крещения горела восковая свеча – для защиты от злого духа. Во время обряда крещения в купель бросали шарик из воска с волосами малыша: потонет шарик – ребенок умрет, будет плавать – проживет долго.

Крестные отец и мать незаконнорожденного малютки обязательно при крещении перевязывали себя уздою, по-

скольку она символизировала некую нравственную силу. Вероятно, такая перевязь должна была уберечь ребенка в будущем от неблаговидных поступков, а его крестных родителей защитить от «дурного» влияния роженицы и божьего гнева за участие в акте крещения внебрачного дитя.

Для сохранения новорожденного в пятницу не заваривали в доме квас – не то, как считали казаки, дьявол будет купать в нем малыша. Матери запрещалось ругать своего ребенка непотребными (неприличными) словами и проклинать, иначе он обратится в «нечистого» и исчезнет.

У низовых казаков существовал обычай «размывания руки» – выражение повитухе благодарности за благополучный исход при разрешении от бремени, через шесть недель после родов. Ей дарили платок, а она этим платком вытирала руки. Тем самым, видимо, подчеркивались окончательное «вхождение в жизнь» младенца, «легкость» руки, благородство помыслов повитухи, смывание ею греха первородности.

Новорожденного стремились как можно скорее окрестить, так как боялись, что дитя может подменить дьявол. Поверие о подмене младенца известно и среди местных народов Кавказа. Как правило, ребенку старались дать имя бабки или деда. В кумовья выбирали уважаемых соседей или родственников. Существовал обычай: если в семье до этого умирали дети, то в кумовья приглашали первых встречных.

Так завершается первый этап очищения. Только после этого все жители дома могли вздохнуть спокойно и не вол-

новаться за свое будущее.

Следом наступает второй этап очищения младенца и матери. Заключается он в мытье матери и ребенка в бане. Мать с ребенком оказывалась в бане спустя несколько часов после родов, где женщина-повитуха совершала обряд очищения.

Начинали всегда с ребенка. Прежде чем вымыть тело младенца, повитуха обильно поливала камни водой, чтобы пар заполнил всю парилку. Это делали, чтобы тело стало мягким: пар был нужен для размягчения. Затем новорожденного клали на банный веник и приступали к «массажу» (в народе это называли «растягиванием»). Повитуха разминала руки и ноги, голову, уши и нос ребенка, считая, что таким образом она придаст телу нужные формы и исправит любые родовые дефекты. Такой массаж улучшал кровообращение, помогал суставам приобрести гибкость, а коже – эластичность.

Родившая женщина по поверью считалась заново рожденной. Роль повитухи – ускорить процесс «рождения» женщины и очистить новорожденного. Банный обряд повторялся ежедневно в течение недели (иногда дольше).

За обрядом очищения следует церковный обряд крещения. Некрещеный ребенок вызывал у людей страх, его запрещали целовать, разговаривать с ним, надевать на него вещи (ребенок всегда был в пеленках). В некоторых селах России даже запрещали матери называть его по имени. Младенец

считался бесполым существом, его не причисляли к семье, в которой он родился.

Родители тщательно выбирали крестных для своего дитя, так как те считались духовными наставниками. Чаще всего крестными становились родственники – они не откажутся от крестника, будут всегда заботиться о нем, воспитывать, обучать. Самое интересное, что крестным (или крестной) могли становиться и дети от шести лет, и старики, но предпочтение отдавалось людям одного возраста с родителями. Отказаться от роли крестного было невозможно, это считалось кровной обидой для родителей.

Перед самым таинством ребенок находился на руках у повитухи, которая передавала его крестному отцу. Крестная мать готовила купель для обряда. Как ни странно, воду в купель наливали прямо из колодца, ни в коем случае не грели ее и не добавляли теплой воды. Верили, что, опуская ребенка в ледяную воду (даже зимой), придают ему большую стойкость к болезням. Если во время крещения свечи в руках родственников дымили и горели плохо, считалось, что ребенок будет часто болеть или вообще скоро умрет, если же пламя было ярким – жизнь у него будет долгой.

После завершения обряда священник передавал младенца крестным родителям: если мальчик – то крестной матери, если девочка – то крестному отцу, которые и несли ребенка в дом. После этого младенец становился полноправным членом семьи. На следующий день после крещения в дом ро-

дителей приходили родственники, друзья и близкие. Устраивали застолье, первые тосты всегда произносили за здоровье ребенка, его родителей и повитухи, принимавшей роды.

В казачьих семьях большую роль играла женщина, которая вела домашнее хозяйство, заботилась о стариках, воспитывала младшее поколение. Рождение 5 —7 детей в казачьей семье было обычным явлением. Некоторые женщины рожали по 15—17 раз. Казаки любили детей и рады были рождению и мальчика, и девочки. Но мальчику радовались больше: помимо традиционного интереса к рождению сына – продолжателя рода, сюда примешивались чисто практические интересы – на будущего казака, воина община выдавала наделы земли.

Новорожденному все родные и друзья отца приносили в дар ружье, патроны, порох, пули, лук и стрелы. Эти подарки развешивались на стене, у которой лежала родительница с младенцем.

По истечении сорока дней ребенка несли в церковь для «получения молитвы». По возвращении из церкви отец дома надевал на дитя портупею от шашки, сажал на коня и потом возвращал сына матери, поздравляя ее с казаком. Первыми словами малютки были «но» и «ну» – понукать лошадь и стрелять.

Сможем ли мы сохранить и передать дальше народные традиции и обряды? Да. Но только в том случае, если осознаем утраченные ценности жизненно необходимыми в бу-

дущем. Именно народные обычаи выражают душу народа, украшают её жизнь, придают ей неповторимость, укрепляют связь поколений.

***

Стояла глубокая ночь, Иван Тимофеевич метался по базу и не мог найти себе место. Старичок мирно спал на лавочке после двух рюмочек горилки.

– Батя! Батя! Батя! Казак родился! – закричала Машка, выбегая в баз, и прыгнула на шею Ивану Тимофеевичу.

– Ох ты, Божья Матерь! Какое счастье-то! – бурчал Тишин.

– Батя! Чего дрыхнешь! Казак родился! – кричал Иван Тимофеевич, стягивая зипун с отца. Тот открыл глаза, перекрестился и потянулся за горилкой.

– Ну, слава богу, выпьем за здоровье казака, – пробормотал дедушка.

– Машка?

– Да, батя!

– Следи за истопкой, подкинь дровишек и деда стереги, а я за отцом Григорием, – сказал Иван Тимофеевич. Постоял немного, подумал.

– Димку собирались крёстным сделать! Где его теперь взять?! Не скакать же за ним?

– Ох, Тюрин, змей! Сам воюет всю жизнь и детей мне по-

следних увёл, – бурчал отец.

– Папаня, а может и вправду за Степаном и Димкой сгонять? – сказала Машка.

– Двадцать вёрст гнать надобно! – задумался Иван Тимофеевич. – Ну и умная ты у меня, Машка! Правильно гутаришь. Как и планировали, Димка будет крёстным. Я за Степаном с Димкой, а ты, Машка, беги за отцом Григорием и ждите нас, покуда не прибудем!

– За дедом кто смотреть будет? – воскликнула Машка.

– А что с ним будет? – возразил Иван Тимофеевич и поковылял за лошадью.

До Ново-Александровской было вёрст двадцать. Ещё до родов все сговорились, что крестными первенца Степана станут Машка с Димкой. Семья Тишиных в строгом порядке соблюдала все казачьи традиции, и после бани ребёнка крестили. Кто ж знал, что начнётся война, и казаки будут не в родном хуторе.

– Батя, ты чего это? Зачем бричку отстегнул? – испуганно спрашивала Машка.

– Галопом быстрее будет! Пока я доковыляю на бричке, уже новый день настанет, – сказал Иван Тимофеевич, закидывая седло на коня.

– Не свалишься с коня?

– Машка, я ещё ого-го… Казак у тебя батя иль кто? – поправляя седло, ворчал Иван Тимофеевич.

– Ну и забурунный ты у нас, – сказала Машка.

– Машка, тащи вон те гирики, а то эти свалятся по дороге. Машка побежала к двери, где стояла обувь; взяв длинные сапоги, вернулась к отцу. Тот шлепнулся на бревно и стал переобуваться.

– Куда это он засобирался? – воскликнула Варвара Семёновна, она стояла на крыльце вся в мыле и вытирала лицо большим полотенцем.

– Куда, куда! По шее твоему братцу надавать, чтобы знал, у кого детей забирает, – крикнул Иван Тимофеевич.

– За Степаном и Димкой собрался, – тихо сказала Машка.

– Это правильно! Пусть скачет!

– Ну что там, Варвара, казак здоровый? – хрипя, кричал Иван Тимофеевич и никак не мог натянуть сапог.

– Здоровый! – улыбаясь, перекрестилась Варвара Семёновна.

Иван Тимофеевич запрыгнул на коня и поскакал за сыновьями в лагерь. Конечно, в другое время и при иных обстоятельствах никто не отпустил бы служивых казаков, но старшиной был тот самый Тюрин, который приходился родным братом Варваре Семёновне. Поэтому Иван Тимофеевич не сомневался, что дядька отпустит детей на денёк, чтобы увидеть младенца да покрестить, как планировали.

На улице светало, когда Тишин приближался к Ново-Александровской. Подъехав, прямиком направился в курень, где проживали дети. Иван Тимофеевич спрыгнул с коня и увидел Катерину, которая ходила по базу и кормила до-

машнюю утварь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.